

АРХИЛОХ И ГОРАЦИЙ

Вопрос о соотношении творчества Архилоха и Горация, точнее о влиянии первого на последнего, неотделим от проблемы взаимоотношения двух античных литератур: греческой и римской. Римская литература, опираясь на достижения греческой, заимствует некоторые модели отдельных литературных жанров, развивает их на новом этапе. Римская поэзия, используя лучшие образцы архаической греческой лирики, в частности ее метрику и композицию, переплавляет их и создает самостоятельные произведения на качественно ином уровне.

В Риме есть немало примеров подражания Архилоху. Силу архилоховской поэзии признает Квинтилиан (X, 1, 60). Катон, по замечанию Плутарха (Cato, 762), нападал на Сципиона с резкостью, присущей Архилоху. Выпады против врагов в сатурах Луцилия очень напоминают архилоховские инвективы (210, 974, 1224 и др.). Однако именно Гораций говорит в своих стихах сам о подражании Архилоху:

Я первый показал Латии паросские ямбы,
Следуя размерам и страстности Архилоха,
Но не делам и словам, что травилы Ликамба
(Ног., Бр., I, 19, 23-25).

Мужественной стопой умеряет Музу Архилоха Сапфо,
Умеряет Алкей, иной по темам и ритмам,
Он не ищет теста, которого чернит язвительными стихами,
И не плетет веревку для невесты с помощью позорящей песни
(Ног., Бр., I, 19, 28-31).

Гораций основывается на метрическом искусстве Архилоха, заметив, что Алкей и Сапфо также пользовались его метрикой. Однако содержание их стихов ничего общего не имело с содержанием архилоховских ямбов. Спешит отмежеваться от них и Гораций: он заимствует размер и техническое мастерство Архилоха, ему больше импонирует поэтическая гармония Алкея и Сапфо, как говорит он в этом послании.

Однако в эпосе 6 (ст. 11-14), ополчаясь на врагов, Гораций говорит, что "держит наготове рога против дурных" (in malos... parata tollo cornua), подобно тому, как мстил отвергнутый зять вероломному Ликамбу или Бупалу его суровый враг, намекая на ямбы Архилоха и Гиппонакта.

После опубликования в 1899 г. двух анонимных эподов, названных по местонахождению папируса "страсбургскими", возникла дискуссия об их жанровой природе и авторстве.¹ В первом эпосе хорошей сохранности автор желает своему врагу, нарушившему клятву, потерпеть кораблекрушение, быть выброшенным на берег, стать пленником чубатых фракийцев. Проклятие вполне в духе Архилоха. Метрика, лексика, маринистические мотивы — все указывает на то, что Архилох — возможный автор эпоса 1. Содержание второго понятно хуже из-за плохой сохранности текста. Благодаря упоминанию имени Ἰππώναξ и восстановлению Ф.Блассом имени его врага Бупала в маргиналии после эпоса 1, сторонники Гиппонакта приписывают ему оба стихотворения. В качестве одного из аргументов они используют содержание эпоса 10 Горация, обращенного к Мевию, где он желает тому потерпеть кораблекрушение и стать не добычей фракийцев, как в страсбургском эпосе 1, а жирной добычей гагар на морском берегу:

Mala soluta navis exit alite,
ferens olentem Mevium.

¹ Идет корабль, с дурным отчалив знаменем,
Неся вонючку Мевия

(пер. Н. Гинцбурга).

Olentem Mevium Горация сравнивали с хорошо читаемым κλυέοντα φῶρα в страсбургском эпосе 2 (ст. 8) как реминисценцию этого стихотворения. Упоминание Горацием Бупала в эпосе 6 стали рассматривать как окончательный аргумент в пользу авторства Гиппонакта, связав с маргиналией после страсбургского эпоса 1. Но реконструкция ἐπιμίμει [τὸν Βού]πάλ(ου) сомнительна в силу большой порчи текста. Кроме того, маргиналия относится к эпосу 1, а не 2, т.е. отделена от κλυέοντα φῶρα. Подобный эпитет в качестве бранного мог естественно возникнуть в любом языке и не быть реминисценцией. Так что этот аргумент в пользу авторства Гиппонакта эпоса 1 не состоятелен.

Не случайным представляется другое. Гораций действительно в эпосе 10 следует numero animosque Archilochi, т.е. размеру архилоховских эподов и страстности его инвективы. Уж очень страшное это проклятие врагу — пожелание кораблекрушения! Что такое страх перед ним — хорошо понимали греки и римляне, будучи мореплавателями. В трактате "О возвышенном" Псевдо-Лонгина, там, где речь идет об описании Гомером страха моряков перед бурей, упомянута и поэма Архилоха "О кораблекрушении", дошедшая в виде разрозненных элегических фрагментов. Наверняка она была известна Горацию. Его эпос 10 развивает ту же тему Архилоха, но, моделируя похожую ситуацию, он делает это индивидуально. Инвектива эпоса 6 Горация: "Что ты накидываешься, пес, на невинных гостей, трусливый перед волками", — в сочетании с "рогами, которые всегда наготове против врагов", перекликается с fr. 126 Архилоха²:

ἔν δ' ἐπιτάμαί μευα
τὸν κικῶς <μ> ἔρδοντα δεινοῖς
ἄντα μείβεσθαι κακῶς
Я достаточно знаю одно: отвечать ужасными бедами
Тому, кто причиняет мне зло.³

Гораций, по-видимому, имеет в виду именно этот фрагмент Архилоха, прямо сравнивая себя с ним в этом эпосе: qualis Lycambae arctus genex — он грозит, "как отвергнутый зять Ликамбу".

В эподах 7 и 16 Гораций протестует против войны, обращаясь к римскому народу:

16

Altera iam teritur bellis civilibus aetas
suis et ipsa Roma viribus ruit.

‘Вот уже два поколения томятся гражданской войной
И Рим своею же силой разрушается’

(пер. А. Семенова-Тян-Шанского).

7

Quo, quo caelesti ruitis, aut cur dexteris
aptantur enses conditi?

‘Куда, куда вы валите, преступные,
Мечи в безумье выхватив?’

(пер. А. Семенова-Тян-Шанского).

Также и Архилох заклинает своих соотечественников, призывая прислушаться к его словам (fr. 109):

<ω> λιπερνήτες πολῖται, τ'ἀμὰ δὴ συνίετε
ρήματα.

‘О бесприютные граждане, внимайте совместно
<моим> словам!’

Эта тема продолжена и во fr. 102 Архилоха:

Πανελλήνων οἴζυς ἐς Θάσον συνέδραμεν.

‘Беда всей Эллады, что мы устремились на Фасос’.

Ruitis Горация, возможно, реминисценция συνέδραμεν,
caelesti переключается с οἴζυς.

Сюда же по тематике примыкает fr. 228 Архилоха, где об-

ыгрывается корень того же слова οἴζυς ‘беда’; трижды проклятым, трижды грозящим бедой назван Фасос – Θάσον δὲ τὴν τρισοἴζυρην πόλιν.

Говоря о войне, Архилох первым среди греческих поэтов оспаривает нравственные ценности гомеровских героев. Широко известный фр. 5 о брошенном щите, бывшем у эпических героев мерилом их доблести, вызвал нападки на Архилоха, обвинение его в трусости, пренебрежении воинской чести. Секст Эмпирик, осуждая его, говорит, что по закону наказывается и трус, бросивший щит, ведь лаконянка, давая щит идущему на войну сыну, сказала: “Либо с ним, дитя, либо на нем” (Sext. Emp., Pyrrh. hypot., 3, 216). Архилох же хвастается тем, что, бросив щит, спас свою жизнь (αὐτὸν δ'ἔξεσάωσα).

Гораций подхватывает это сопоставление двух ценностей: необратимости человеческой жизни и славного конца в бою. В оде на возвращение Помпея Вара (П, 7) он радуется, что видит друга, пришедшего с войны целым и невредимым, и рассказывает, как под Филиппами его самого вынес с поля боя быстрий Меркурий, сделав невидимым. Вслед за Архилохом, который бросает щит потому, что у него нет иного выхода, чтобы спасти свою жизнь (κάλλικρον οὐκ ἐδέσσω – ‘я бросил против воли’), Гораций говорит: relicta non bene parvula ‘щит отброшен не лучшим образом’, ведь выхода нет, так как fracta virtus ‘доблесть разбита’.

Гораций сознательно пишет о том, что оставляет он именно щит (не меч или копье), помня об ἀσπίδι Архилоха. Он выбирает глагол relinquo, соответствующий λείπω у Архилоха.

Ода 3 из второй книги, обращенная к Квинту Делию, призывает Делия воспринимать с ровной душой радости и бедствия – aequam servare mentem rebus in arduis, non secus in bonis.

Лицинию Мурене (Satm. II, 10) Гораций советует держаться золотой середины, не стремясь в морскую даль, опасаясь бурь, и не теснясь к неровному берегу. Мотив мореплавания используется как метафора. Это желание не впасть ни в ту, ни в другую крайность было сформулировано Архилохом во фр. 128 в знаменитом обращении поэта к своему θυμός. Его заканчивают два стиха:

ἄλλὰ χαρτοῖσιν τε χαίρει καὶ κακοῖσιν ἀσχαῖα,
μὴ λίην γήρωσκε δ' οὗτος ρυτίδες ἀνδρώπους ἔχει.

'Не слишком и удаче радуйся, и горьки в бедствиях,
Познай тот ритм, что владеет лицами'.

Пожелание умереннее переносить судьбу исходит и от Плу-
тарха, сохранившего дистих из fr. 9 Архилоха "О кораблекру-
шении" (quomodo aud. poet., 6, p. 23b). Стойкость к преврат-
ностям судьбы можно выработать только избрав правильный жиз-
ненный стиль, по Архилоху, ρυτίδες οὖτος ἀνδρώπους ἔχει, или
augeam mediocritatem, по Горацию. Для того чтобы жить мет-
роплетерой Архилох убеждает свой θυμός - стойко встать перед
врагами "καταστάσεις ἀσφαλεῶς πλεῖστον ἐξδρῶν. Гораций
советует Лицинию, ut "rectius vives":

Rebus angustis animosus atque
fortis adparet

'Силен духом будь, не клонись к напасти!'
(пер. А. Семенова-Тян-Шанского).

Так этический идеал Архилоха продолжен и развит Гораци-
ем.

В дискуссии по поводу кельнского эпода Архилоха больше
внимания уделялось первому эподу.⁴ Некоторые издатели вооб-
ще не выделяли отдельным стихотворением пять последних строк
на этом папирусе. Первые два из них были известны ранее из
Гефестиона и Атилия Фортунатиана:

[οὐκέ]θ' οὐ μᾶς θάλλεις ἀπλόων ἔρως
ἀρρετα[γυω η'δη]

[θυμός], какою δὲ γήρωσ κεδεῖται.
'Не цветешь ты больше нажной кожей, ибо она
Стягивается уже морщинами, злая старость убивает тебя.'

Эти строки похожи на описание Горацием одряхлевшей жен-

щины в эподе 8 (ст.1-4). Поэт пишет, что у него не хватило бы
сил просить для нее продление века, ведь dens ater et rugis
vetus frontem senectus exaret 'черные зубы и дряхлая ста-
рость бороздит чело морщинами'. Те же архилоховские мотивы
для описания старости переработаны в эподе 17 (ст. 21-23):

Fugit iuventas et verescendus color
Reliquit ossa pelle amicta lurida.

'Юность бежала, и стылливый цвет
Покинул кости, стянутые бледной кожей'.

Архилоховское 'θυμός 'борозда, морщина' в сочетании с
οὐκ' θάλλεις 'не цветешь' дает метафору высихающего ра-
стения, сухой борозды в поле. Тот же образ создает Гораций при
помощи exaret (букв. 'выпахивать', 'бороздить') rugis в эпо-
де 8; color 'цвет' и ossa pelle amicta 'стянутые кожей кос-
ти' - в эподе 17.

В оде к Лидии (I, 25, 17-21) Гораций, сравнивая старость
с ледяным ветром зимы, пользуется метафорой Архилоха - πνε-
ύματα χειμερίων κρυέων 'дыхание зимних ветров':

Laeta quod pebes hedera virenti
gaudeat pulla magis atque myrto,
aridas frondes hiemis sodali
deditet Euro.

'Что и плющ, и мирт в красе зеленой
Ценит молодость, предавая воле
Спутника зимы - ледяного ветра
Листья сухие'

(пер. А. Семенова-Тян-Шанского).

Aridas frondes 'сухая листва' - противопоставление зе-
леному плющу и мирту, продолжает расти льную метафору старо-
сти. У Архилоха этот мотив в кельнском эподе 2 передается че-
рез κάρφεται - 'иссушает', ср. κάρφος - 'высохшая вет-
ка'.

Состарившуюся Лику в другой оде (IV, 13, 9-10) Гораций также сравнивает с засохшим дубом. Ее обезображивают (*turpant*) желтые зубы (*luridi dentes*), морщины (*tugae*) и седые космы (букв. 'снежные' - *capitis niveae*), что тоже ассоциируется с зимой.

Отталкиваясь от метафоры Архилоха, у которого женщина, возможно Необула, изображена засыхающим растением, тронутым ледяным дыханием зимы, Гораций неоднократно перерабатывает этот мотив, показывая неприглядную старость куртизанки, оставленной поклонниками.

Гораций не заимствует ни содержания стихов Архилоха, ни его тем. Тем не менее он использует некоторые мотивы и образы, известные нам по архилоховским фрагментам. Прямых реминисценций очень мало. Гораций в эподах пользуется метрическими достижениями Архилоха, разрабатывая этот жанр в римской поэзии. Одни и эподы Горация самостоятельно развивают темы, использованные Архилохом, или индивидуально моделируют похожую ситуацию.

Примечания

¹ Reitzenstein R. Zwei neue Fragmente der Epoden des Archilochos // Sitzungsberichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1899. S. 857-864.

² Архилох цит. по изд.: Jambli et Elegi Graeci ante Alexandrum cantati / Ed. M.L. West. Oxford, 1971. Vol. 1.

³ Здесь и в дальнейшем там, где не указан переводчик, переводы текста сделаны автором статьи.

⁴ См.: Museum Criticum. 1973-1974. Bd 8-9; Henderson J. The Cologne Epode and the conventions of early greek erotic poetry // Arethusa. 1976. Bd. 9. P. 162 sq.